

## ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

**АНДРЕЙ МАРТЫНОВ,**

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела всемирной истории и международных отношений Института истории Украины НАН Украины*

### **Историческая социология или социология истории?**

#### *Abstract*

*The author analyses the status of methodological and theoretical bases for scientific research in the field of historical sociology. Therefore, the topical sectors of the sciences viewing the man and society are determined as interpenetrating and being within the focus of the inter-subject conceptual approaches.*

Попытка утверждения нового (или хорошо “забытого” старого) научного направления, как правило, сопровождается дискуссией по поводу его предметных границ и названия. В этом контексте не является исключением и определение связей между историей и социологией.

Профессиональные историки могут сослаться на то, что они занимались проблематикой развития общества по крайней мере за несколько тысячелетий до того, как социология получила научное название. Правы также и социологи, подчеркивая специфику своего подхода к изучению общества. Ведь со времени своего возникновения в середине XIX века социология является наукой о развитии прежде всего современного общества.

Разумеется, история и социология в своем развитии не избежали взаимовлияния. Интенсивное развитие социальных связей, новых форм существования феномена социального в его разнообразных проявлениях, образование новых социальных структур, норм и институтов постоянно требуют качественного обновления теоретических и методологических подходов к междисциплинарным исследованиям. Так, “Новая социальная исто-

рия” оказалась первым совместным плодом сотрудничества историков и социологов. В условиях глобальной индустриализации и под влиянием идей марксизма в 1935 году в Амстердаме был создан Институт социальной истории. В то же время историческая наука с целью углубленного понимания развития человечества пыталась объединить исследовательские усилия с психологией, социальной философией, социологией. В фокусе таких общих исследований находится эпоха модерна, начало которой положили первая индустриальная революция 1760–1830 годов и Французская революция 1789–1794 годов.

Наряду с этим в центре внимания социологии оказались проблемы обусловленности социальных действий, осуществляемых в рамках имеющихся в определенный период социальных структур. Предметное поле социологии, таким образом, охватывает комплекс факторов, механизмов и результатов социального действия. При этом “общая” социология рассматривает универсальные проблемы социальных действий, возникающие в любой области и в любое время. Однако история теоретической социологии свидетельствует о том, что попытки сформировать общую теорию социального процесса стимулируют “войну парадигм”, не всегда способствующую пониманию сущности проблемы. Специальные социологические теории, напротив, призваны объяснять особенности социального действия в разных сферах общественной жизни.

В этом контексте историческая социология как научная дисциплина должна создать предпосылки для плодотворного творческого взаимодействия социологии с историей, поэтому якобы должна относиться к так называемым атрибутивным социологиям. Вместе с тем можно констатировать, что в мировой социологической науке “научная прописка” исторической социологии до сих пор не определена. Дискуссии по этой проблеме наталкиваются на кризисные явления, присущие социальным наукам.

Толкование предметного поля гуманитарных наук, особенно претендующих на статус междисциплинарных, — дело весьма сложное. Отечественный социолог Е. Головаха справедливо утверждает, что “кризис социологии затрагивает прежде всего ее теоретические основы — возможность решать вопросы обоснованности социологических теорий и аккумуляции социологического знания, сохранения его специфики в условиях нарастающего взаимопроникновения и интеграции наук о человеке” [1, с.7].

Итак, рассмотрим наиболее острые проблемные вопросы, связанные с утверждением исторической социологии на отечественной научной ниве.

Давний средневековый спор между номиналистами и реалистами до сих пор служит поводом для ломания риторических копий. Ведь социальные науки, в отличие от естественных, занимающихся реалиями, которые сами себя не называют, имеют дело с феноменами человеческой жизни. Чтобы дать название разнообразным феноменам своей повседневности, люди не ждут, пока те станут объектом научного исследования. Обычно названия изменяются во времени и пространстве без всякой связи с имманентными изменениями самих вещей. Такие изменения сопровождают и настойчивый поиск адекватного названия для нового научного направления.

Однако нужно отметить, что неопределенность научного статуса исторической социологии, или так называемой атрибутивной социологии истории в отечественной гуманитарной науке приводит к весьма серьезным рас-

хождениям. Например, в издании “Историческая наука: терминологический и понятийный справочник”, где представлены термины родственных истории наук, мы напрасно будем искать понятие “историческая социология”. А вот к “цивилюлогии” как комплексной научной дисциплине, изучающей теорию истории и сравнительную историю, отнесены такие самостоятельные научные дисциплины, как историческая социология, историческая политология, историческая демография, историческая экология, историческая культурология [2, с.408].

В 70-х годах XX века главным образом на Западе активно развивалась историческая социология, призванная синтезировать познавательные подходы истории и социологии. Предметом исторической социологии было определено историческое развитие социальных структур и социальных отношений [3, с.17]. Американский социологический словарь 1962 года определяет “социологию историческую” как анализ исторических данных с целью получения социологических обобщений. В этом случае связь между историей и социологией может заключаться в попытке проверить конкретные гипотезы социального поведения с использованием прошлого опыта [4, с. 45]. Автор статьи “Историческая социология” в немецком “Лексиконе социологии” профессор О.Рамштед выделяет, во-первых, социологическое направление исследований, базирующихся на понимании социальной реальности как продукте исторического становления. В таком смысле историческая социология, по его мнению, анализирует социально обусловленные возможности, не реализованные в прошлом, избегая любых попыток прогнозов как спекулятивных элементов теории. Во-вторых, О.Рамштед выделяет социологические исследования, рассматривающие исторические процессы в сравнении, чтобы на основе компаративных подходов получить представление о тех или иных вневременных закономерностях.

В свою очередь, “Российская социологическая энциклопедия” представляет термин “социология историческая” как “направление современной социологии, целью которого является исследование исторических процессов развития обществ, социальных систем, институтов и явлений, а также разработка социологических теорий исторического развития, социологических методов анализа исторических данных” [5, с.45]. По мнению российского социолога А.Черных, историческая социология — это прежде всего исследовательский подход, рассматривающий общественные процессы в сравнении и выступающий ядром теории социальных изменений. Одновременно отмечается, что историческую социологию, которая вызрела в недрах социальной истории, к 70-м годам XX века толковали слишком широко — как теорию социальной эволюции и прогресса [6, с.12].

В первом томе “Истории теоретической социологии” под редакцией Ю.Давыдова историческая социология определяется как использование исторического подхода к анализу социальных аспектов человеческого существования и социологического — к исследованию исторического процесса [7, с.114]. Иными словами, историческая социология определяется как “направление в современной социологии. Его представители исследуют исторический процесс развития общества, социальных систем, социальных институтов и явлений. В рамках этого направления также разрабатываются специальные социологические теории исторического развития, социологические методы исследования данных истории” [8, с.91].

Российский социолог Н.Романовский определяет историческую социологию как часть общей социологии, которая обеспечивает своими методами единство анализа прошлого, современного и будущего, то есть временной континуум социологического теоретизирования и эмпирических исследований, включая историческое прошлое в анализ исследуемого социального объекта. Проблемное поле исторической социологии аналогично полю социологии [9, с.119].

Объектом и предметом исследований истории и социологии является общество и конкретные закономерности его развития. История воспроизводит, осмысливает и объясняет социальный процесс *post factum*, а социология — *in factum*. Вместе с тем историю часто называют социологией, обращенной к прошлому. Поскольку прошлое постоянно переходит в настоящее, оно так или иначе частично присутствует в нынешнем времени, является его причиной, а настоящее перманентно становится прошлым, хронологические барьеры между историей и социологией постепенно размываются.

Использование исторического метода в социологии преимущественно ориентировано на ретроспективное познание, то есть постепенное углубление в прошлое в поиске первопричин социальных процессов, явлений, тенденций. Кстати, Ф.Бродель рассматривал историю как сумму всех вероятных историй, всех подходов и точек зрения — прошлых, современных и будущих [10, с.119]. В конечном счете социологические теории на концептуальном уровне ориентируют исторические исследования на всех этапах изучения конкретных проблем. В свою очередь, история все чаще перестает восприниматься только как наука о прошлом. Ее рассматривают как повод для определенных суждений о настоящем и будущем. Однако следует помнить о существенной “внутрицеховой” специфике обеих наук.

Источники, используемые историками и социологами, совпадают лишь частично. Историк работает с источником, который он получил из прошлого. Он не может его дополнить или изменить [11, с.18]. Поэтому историк находится в большей зависимости от своих источников, нежели социолог. Вместе с тем информационный потенциал исторического источника теоретически может быть неисчерпаемым, а его познавательные возможности зависят от способности историков формулировать все новые и новые вопросы к ним. Однако данные исторических источников не могут быть эмпирическими, то есть их, как правило, невозможно проверить опытным путем. Кроме того, исторические факты, регистрируемые благодаря использованию исторических источников, не являются объектом наблюдения.

Субъективная интерпретация исторических источников связана не только с информационными особенностями определенной исторической эпохи, но и с личными качествами исследователя. К примеру, теоретическое направление исторической феноменологии опирается на постулат так называемой беспредпосылочной герменевтики, исключающей в момент толкования исторического текста априорные знания и основанные на них выводы. Это позволяет избежать вынесения информации, искомой в источнике, за рамки самого исторического документа. Ведь вопросы уже несут в себе знание. Поэтому, вопрошая, историк привносит в исследуемую эпоху собственную систему оценок и выводов.

Социолог же по своим программам исследований сам может выступать творцом массовых документов, например опросников. Он в конкретном ис-

следовании может непосредственно наблюдать социальный факт, регистрировать его в режиме реального настоящего времени. При наличии возможностей он может также поставить эксперимент, чтобы подтвердить гипотезу. К тому же в центре внимания социолога находится вся картина исторического процесса, поскольку его главная задача заключается в постижении истории человечества в неразрывном единстве всех ее временных состояний — прошлого, настоящего и будущего. А историка прежде всего интересуют конкретные события и процессы, взятые в определенных пространственно-временных координатах. Заметим, что для историка зачастую важен результат соотнесения с моделью не только всей совокупности, как это бывает в социологии, а нередко и каждой единицы наблюдения. Историк важно обнаружить индивидуальный смысл, увидеть его в типологизации конкретного феномена. При этом интерпретацию данных в соответствии с определенной концепцией можно рассматривать как своеобразное конструирование фактов.

Историк более, чем социолог, ограничен требованиями доказательности в построении собственных теорий. Но он редко пользуется социальными теориями “среднего уровня” (по Мертону), поскольку большинство историков считают, что в случае отказа от поиска общей теории истории исторической науке угрожает опасность утонуть в фактологических мелочах и превратиться в разновидность коллекционирования фактов.

Кроме того, в условиях постмодерна благодаря средствам массовой информации создается впечатление, что все события происходят в реальном времени. Поэтому кажется, что история закончилась. На этом фоне разворачивается дискуссия относительно возможности освобождения исторических исследований от конъюнктурного подчинения современным ценностям. Доминантой становится методологический плюрализм как попытка интеграции аналитических возможностей различных теоретико-методологических подходов с целью получения нового понимания исторических явлений. В частности, это касается расширения толкования понятия закономерностей как формы причинно-следственных связей в историческом процессе.

Таким образом, историк в своем исследовании стремится определить причинностную значимость разнообразных элементов, создающих уникальную социальную конъюнктуру, а социолог пытается установить определенные взаимосвязи (в их временной последовательности), которые наблюдаются многократно или могут повторяться. В таком контексте П. Сорокин на примере понятия “революция” четко разграничил предметные области истории и социологии. Он, в частности, отмечал, что российская революция в своей неповторимости является предметом истории, но одновременно она является и предметом социологии, поскольку революции повторяются.

Однако в этом контексте следует помнить о существенных различиях между социологическими законами и собственно историческими закономерностями. Например, абсолютизация последних по сути исключает из предметного поля истории сам отдельный исторический факт, особенно если он — результат случайности. Ведь при таких обстоятельствах исключение — это не только дополнительный аргумент в пользу определенной закономерности, но и суть случайности, которая порой играет в определении конкретного направления исторического процесса ключевую роль.

По сути, историческая социология предстает в синтезе исторических и социологических подходов к анализу общества. В этом смысле историческую социологию можно определить как социальную науку, которая анализирует историческое развитие социальных структур как институционализированного результата практического действия социальных субъектов, а также изучает обратное влияние указанных структур на социальное поведение этих субъектов.

Исторический материализм и диалектика превращают историю и социологию в единую науку — социологию истории, которая развивается на базе единой методологии, но на различных уровнях познания и исследует разные аспекты одного объекта познания. В советское время основой исторической науки считали исторический материализм, а методологическим кредо — марксизм-ленинизм. Однако в указанном контексте нужно помнить о предостережении немецкого “ревизиониста” Э.Бернштейна о том, что научный социализм как учение о будущем, которого еще нет, лишен сугубо научных доказательств и имеет черты, присущие идеализму [12, с.179–180]. Впрочем, игнорирование в советские времена немарксистских концепций, недооценка их роли в познании общественных процессов не является основанием для того, чтобы ныне проявлять подобное отношение к марксистскому и неомарксистскому направлениям в социологии. Сущность марксистского социологического подхода, заключающаяся в интерпретации противоречивого и антагонистического характера капиталистического общества, сохраняет некоторую актуальность применительно к истории капитализма, его функционированию и противоречиям между свободой и равенством, конкурентностью и солидарностью, которых не преодолело ни одно общество.

Объективная и субъективная нетождественность социокультурных, гносеологических, методологических исследовательских стереотипов обуславливает множественность моделей социальной реальности. При этом ни история, ни социология не могут претендовать на абсолютный охват этой реальности, а исследователь должен понимать, где проходят эвристические границы познавательных возможностей используемых им методов. В этом смысле социология — это осмысленная определенным образом история. А социология истории, по сути, делает историю объектом социологического исследования, по крайней мере на когнитивном, ценностно-ориентационном и поведенческом уровнях анализа.

Учитывая подобную множественность моделей, понятия методологии истории и социологии не являются однозначно определенными. Постепенно исчезает и сущностная дифференциация между “количественными” и “качественными” методологиями, общепризнанным становится неуниверсальный характер любых методологий, которые могут доминировать в определенной сфере, где они оказываются наиболее адекватными, расширяется представление о ценности мультиметодного анализа в пределах междисциплинарного взаимодействия, в частности между историей и социологией.

Существует мнение, что наиболее приемлемым полем взаимодействия истории и социологии является исследование повседневности. Так, российский социолог Л.Ионин определяет повседневность как историческую, поскольку она представляет собой определенный тип культуры. При этом историчность понимается как соотнесение с прошлым и будущим [14, с.99].

В более широком смысле общее предметное поле истории и социологии охватывает проблематику исторического развития социальных структур и социальных отношений. Взаимодействие истории и социологии в очерченном выше контексте позволяет избегать монокаузальности в интерпретации исторических феноменов. Ведь любое конкретное состояние общества является одной из фаз исторической последовательности, продуктом осуществленной деятельности, аккумулятивной исторической традицией и предпосылкой для последующей деятельности. В то же время любое социальное событие, находясь в потоке исторического времени, как компонент практики выступает следствием всей предшествующей истории и зародышем будущей истории.

Современная историческая социология сочетает разработку социологических концепций, применимых в рамках анализа исторических данных и выявления социальных закономерностей с помощью социологического анализа исторического развития и использования исторических данных для проверки правильности социальных концепций и построения модифицированных теорий [5, с.45].

Таким образом, историческую социологию можно рассматривать как важное научное направление в современной социологии и истории. Его представители исследуют исторический процесс развития общества, социальных систем, социальных институтов и явлений, разрабатывают специальные социологические теории исторического развития и социологический метод источниковедческой базы истории.

### **Литература**

1. Головаха Е.И. Социологическое знание: специфика, критерии научности и перспективы развития // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — № 1. — С. 5–14.
2. Исторична наука: теоретичний і поняттєвий довідник. — К., 2002.
3. Дробизева Л.М. История и социология. — М., 1971.
4. Abrams Ph. Historical Sociology. — Ithaca, 1982.
5. Российская социологическая энциклопедия. — М., 1998.
6. Черных А.И. Историческая социология на Западе (конец XX века) // Социологические исследования. — 2002. — № 2. — С. 11–26.
7. История теоретической социологии. — М., 1997. — Т.1.
8. Павленок П.Д. Социология. — М., 2002.
9. Романовский Н.В. Историческая социология: проблемы и перспективы // Социологические исследования. — 2002. — № 10. — С. 118–129.
10. Бродель Ф. История и общественные науки // Философия и методология истории. — М., 1977. — С. 115–135.
11. Историчне джерелознавство. — К., 2002.
12. Историческая наука в XX веке. — М., 2002.
13. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в третье тысячелетие. — М., 2000.